

КОГНИТИВНЫЕ МОДЕЛИ И СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ

В. М. Сергеев

Роль институтов в политическом анализе в настоящее время является общепризнанной [Simon, 1947; March, Olsen, 1989] Вместе с тем, нео-институционалистский подход подчёркивает важность когнитивных аспектов анализа социальных институтов [North, 1991]. Если рассматривать институты как формы ограничения человеческой активности, то институциональные правила с необходимостью должны быть сформулированы в привязке к представлениям о мире- то есть к совокупности знаний , определяющих человеческий опыт. Именно такая совокупность знаний, состоящая из системы онтологических посылок, инструментов оценки и технических инструментов оперирования с элементами реальности мы и будем называть когнитивной моделью.

Человеческая активность (в том числе институционализируемая) предполагает существование достаточно стабильных когнитивных моделей. Если бы мир был абсолютно текучим и непрерывно изменялся таким образом, что никакого постоянного “скелета знаний” не существовало бы, то в таком мире рациональная деятельность была бы невозможной [Wendt, 1999]. Между тем само по себе наличие когнитивных моделей не означает автоматического функционирования социальных институтов. Теоретически можно себе представить человека, живущего вне социума. В этом случае он будет обладать когнитивной моделью мира, но говорить о существовании социальных институтов в такой идеализированной ситуации “робинзонады” невозможно. Следовательно, особенностью социальных институтов как системы правил, ограничивающих человеческое поведение, является тот факт, что эти правила -общие для некоей группы людей. В этом смысле хорошим примером социального института является человеческий язык.

Существенная часть смыслов, связанных с персональным опытом в естественном языке индивидуализировано, однако концептуальная структура языка, так же как и система синтаксических и прагматических правил, должна быть общей для группы людей, которые этим языком пользуются. В противном случае язык перестал бы существовать как средство коммуникации. Языковая метафора представляется весьма важной для понимания социальных институтов. Система институциональных правил так же может рассматриваться как средство коммуникации, и в этом смысле развитые в последние десятилетия когнитивные методы анализа языка достаточно просто переносятся на анализ социальных институтов.

В то же время между этими двумя средствами коммуникации имеется по крайней мере одно весьма существенное различие: язык дан нам в готовой форме. Ранние фазы формирования естественного языка, то есть то положения дел, которые связаны с трансформацией знаний, инкорпорированных в когнитивные модели в социально признаваемые правила общения, является практически недоступным для изучения. Конечно, социо-лингвистические исследования, посвященные, например, исследованию пиджин-языков или арготических языков, т.е. средств общения в узких социальных группах дают определённое представление о такого рода процессах, но всё же наиболее существенные фазы трансформации внутренних концептов, используемых в индивидуальных моделях мира, в концепты языка в значительной мере представляют собой загадку.

При изучении социальных институтов трансформация внутренних моделей мира в систему институциональных правил в гораздо большей степени доступна для изучения. Так, например, изучение функционирования переходных обществ является исследованием процессов формирования новых институтов и укоренения социальных инноваций.

Существует и более общая проблема, чрезвычайно важная для исследований в области социальных инноваций, и непосредственно связанная с взаимоотношениями когнитивных моделей и институтов. Это проблема периодизации цивилизационного развития. Хорошо известно, какие большие споры вызывает разграничение периода Модерна от средних веков, определения Модерна и пост-Модерна [Wagner, 2001; Rengger, 1995; Giddens, 1991]. Не менее серьёзные трудности имеются и при создании попыток глубокой периодизации истории. В своё время Ясперс [Ясперс, 1991] была предложена концепция осевого времени, с помощью которой в настоящее время ряд

исследователей, прежде всего Айзенштадт [Eisenstadt, 1986], пытаются связать проблему возникновения трансцендентного сознания и эволюцию человеческой рефлексии с проблемой “множественности современностей” [Wittrock, 2000; Eisenstadt, 2000]. При обсуждении подобных вопросов невозможно уйти от проблемы порождения когнитивных моделей и их последующей институционализации. Чем, на самом деле, было рождение ощущения “осевого времени”, произошедшее в различных древних цивилизациях синхронно примерно в 6-7 вв. до. н.э. ? Является ли ощущение осевого времени просто новым типом когнитивной модели, открывающей для человека возможность трансцендентного взгляда на реальность, или это явление маркирует возникновение новых социальных институтов, обеспечивающих трансляцию существовавших возможно и ранее когнитивных моделей трансцендентного сознания? Что отличает ранний Модерн от позднего средневековья- гуманистический взгляд на мир, ставящий человека в центр вселенной, или возникновение специфических социальных институтов, обеспечивающих перманентную адаптацию общества к научным, технологическим и социальным инновациям?

Для ответа на подобные вопросы требуется очень значительный объём специальных исследований, но для нас в настоящий момент важно следующее: даже для того, чтобы поставить эти вопросы, необходимо иметь определённую картину взаимоотношений между когнитивными моделями и социальными институтами.

Существует и ещё более сложный комплекс вопросов, связанных с этой же тематикой. Важнейшие области человеческой деятельности- наука, искусство, политика, требуют креативности. Между тем социальная проекция креативности- предмет чрезвычайно тяжело концептуализируемый. Возможны ли когнитивные мета-модели креативности? Является ли креативная способность совокупностью прозрений, или возможны регулярные “логически обоснованные” методы порождения нового?. Существует ли возможность институционализациями креативности, и если да, то как такие институты могут выглядеть? Могут ли социальные инновации продуцироваться регулярно в виде некоего управляемого потока социальных акций, или возникновение фундаментальных инноваций- дело чистого случая? Является ли, в действительности, наука примером институционализации креативности?

Задавая эти вопросы, мы должны отдавать себе отчёт в том, что при современном уровне знаний далеко не на все из них можно получить убедительные ответы. Более того, в ряде случаев даже задать вопросы разумным образом представляется весьма сложным делом. Когда мы обсуждаем эволюцию социальных институтов, мы естественно должны принимать во внимание возможность их спонтанного, “распределенного” возникновения. В этом случае не вполне ясно, как определить первоначальную когнитивную модель институциональных правил. Эта когнитивная модель оказывается рассредоточенной, несуществующей в одном сознании. Что мы можем сказать о возникновении таких социальных институтов, как рынок или деньги? Достаточно ясно, что эти социальные институты не были изобретены в буквальном смысле этого слова, они возникли в результате сложного взаимодействия множества субъектов, взаимодействия имевшего место в различных местах пространства и в различные моменты времени. В этом случае, если и можно говорить о когнитивной модели, то эта когнитивная модель существует в пределах “распределённого разума”, а в настоящий момент когнитивный подход может дать лишь самое общее представление о том, как такая распределённая когнитивная модель могла бы функционировать.

Ясно, что одной из самых существенных черт взаимодействия между когнитивными моделями и социальными институтами является “двойственность” этих взаимоотношений, связанная с неопределённостью направления воздействия. С одной стороны, нечто родившееся как когнитивная модель в голове только одного человека, при определённых обстоятельствах становится социальным институтом, что означает, что то описание действительности, те правила взаимодействия между социальными субъектами, которые порождены данной когнитивной моделью, принимаются специальными акторами и начинают рассматриваться ими как достаточно универсальные правила, хотя, быть может, и внутри ограниченного сообщества. Таким образом и происходит становление социального института.

Существует и другое направление взаимодействия: спонтанно рождающиеся правила социальной деятельности, никак не осмысленные теоретически, через фазу “обычного права” осмысляются законодателем и становятся элементами внутренне когерентной когнитивной модели. Этот процесс может быть весьма длительным по времени, настолько длительным, что его первоначальные фазы не оставляют практически никаких свидетельств. Эти два направления взаимодействия между когнитивными моделями и институтами неразрывно связаны с фундаментальными дебатами социальной теории. Такие вопросы, как объективность законов социума, “свойства человеческой природы”, вряд ли могут всерьёз обсуждаться вне контекста взаимоотношений между когнитивными моделями и социальными институтами. Достаточно вспомнить, например, полемику между “политическим реализмом” и “социальным конструктивизмом” в теории международных отношений. Является ли социальная реальность в этой сфере сконструированной, или же те конструкции, которые возникают как элементы мировой политики, являются лишь осмыслением существующей реальности, не зависящей от понимания и воли отдельных социальных акторов? По сути дела, изучение взаимоотношений между когнитивными моделями и институтами позволяет вывести эти дебаты из тупика “или-или”. Существуют примеры как сознательного конструирования

институтов, так и осмысления спонтанных процессов, вынуждающих создавать и устанавливать определённые институциональные правила.

Направление взаимодействия между когнитивными моделями и институтами в состоянии существенным образом повлиять на перспективы социального развития. Впрочем, ещё в большей степени эта проблема важна для переходных обществ. Когнитивная модель, являющаяся элементом политической культуры, вырабатывается спонтанно и является чрезвычайно консервативной. Из трёх основных элементов этой модели - социальной онтологии, ценностей и операционального опыта особенно консервативной является социальная онтология. Институты, рассматриваемые только как совокупность формальных правил, без необходимой поддержки этих правил “молчаливым знанием”, распределённым в обществе, либо коллапсируют, либо демонстрируют псевдоморфоз, лишь с внешней стороны напоминая привносимые извне формы. Случаев такого рода псевдоморфоза представительных политических институтов достаточно много - например, парламенты Японии или Таиланда, не говоря уже о многочисленных безуспешных попытках перенести парламентские формы правления в страны “чёрной Африки”. Есть, конечно, достаточно много случаев, когда привнесённые политические институты начинают медленно трансформировать структуру политической культуры того общества, в котором они функционируют. Это ещё один существенный момент взаимосвязи между социальными институтами и когнитивными моделями. В этой ситуации социальная конструкция оказывается импортированной и влияет на общество через структуру институтов, поддерживаемых с помощью определённого уровня насилия, процесс, который иногда называют “белой революцией”. Существенным, однако, является одна особенность “белой революции”, практически неустраняемая - разрыв между обычным правом, укоренённым в локальной политической культуре, и новыми институтами. “Серая зона”, образующаяся в этом разрыве, лишает государство значительной части его дееспособности. Пытаясь установить новые правила, государственная власть неизбежно приходит в противоречие с обычным правом, и потому оказывается не в состоянии поддерживать контракты и договорённости, основанные на обычном праве. В то же время необходимость поддерживать такие контракты и договорённости существует, и эту функцию берёт на себя “альтернативное государство”. К каким последствиям такая ситуация приводит, может представить себе каждый, кто знает о сицилийской мафии.

Мы видим, таким образом, что проблема взаимодействия между когнитивными моделями и социальными институтами затрагивает и весьма существенные аспекты эволюции государства. Комбинируя идею “серых зон” с рассмотренным выше примером формирования институтов интеллектуальной собственности, мы видим, что “серые зоны” и связанные с ними проблемы существуют отнюдь не только в переходных обществах. В период интенсивного институционального развития аналогичные проблемы существуют в любом обществе, а так как быстрое технологическое развитие с неизбежностью стимулирует и формирование новых институтов, либо не имеющих укоренённости в существующем обычном праве, либо напрямую вступающие с ним в противоречие, то вся проблематика переходных обществ и борьбы официального и “альтернативного” государства оказывается в высшей степени значимой для стран, находящихся в фазе быстрого технологического развития. Мы уже упоминали опасность необдуманного введения нового законодательства, скажем, в сфере интеллектуальной собственности, а к какому уровню криминализации общества такого рода действия могут привести - вопрос открытый и очень серьёзный. Мы можем высказать, исходя даже из этих весьма предварительных соображений, некую очень важную гипотезу. Глобализация, понимаемая как процесс быстрого и широкого распространения универсального научного и технологического знания, и расширение мирового рынка, является серьёзным испытанием для системы существующих государственных институтов отнюдь не только в странах экономической периферии. Расширение мирового рынка является процессом, теснейшим образом связанным с технологическим ростом. А диверсификация мирового рынка означает усложнение социальной структуры общества. Очевидно, что характер структуры государственных институтов вместе с системой законодательства должен отражать уровень социальной сложности общества, иначе государство просто не справится со своими функциями. Именно поэтому глобализация, влекущая за собой быстрый рост социальной сложности, является вызовом государству, и дело здесь не в размывании суверенитета, не в увеличении проницаемости государственных границ в связи с развитием средств коммуникации. Вызов этот гораздо серьёзнее и по своим причинам, и по своим последствиям. По сути дела, речь идёт о том, может ли общество в его нынешнем состоянии справиться с быстрым ростом объёма знаний. Интересно отметить, что многие современные политические движения, такие как анти-глобализм и движения “зелёных”, какие бы официальные лозунги они не выдвигали, получают поддержку именно со стороны тех слоёв населения, которые не справляются с необходимостью аккумулировать огромный объём нового знания и адаптироваться к быстрорастущей социальной сложности.

Вполне естественно, что достаточно глубокий анализ социальной сложности общества требует нетривиальных подходов к этой проблеме. Здесь нельзя ограничиваться только формальным анализом сложности - то есть изучением структуры социальных институтов. Очень большое значение имеют и неформальные структуры, а именно социальные сети. Взаимодействие же в социальных сетях основано на иных правилах и принципах, чем в социальных институтах. Основой сетевого взаимодействия является гораздо более глубокая когерентность когнитивных моделей у взаимодействующих субъектов, чем в случае институционального взаимодействия.

Соответственно, изучение роли когнитивных моделей в формировании социальных сетей является значительно более сложной задачей, чем изучение когнитивных моделей с точки зрения формирования институтов.

Здесь необходимы новые, гораздо более тонкие инструменты исследования. С нашей точки зрения, одним из наиболее мощных инструментов такого изучения когнитивных моделей является анализ метафорической структуры мышления. Изучение метафор с момента возникновения когнитивной науки рассматривалось как одна из наиболее интересных и существенных задач. Приложение когнитивной науки к изучению социальных структур, и прежде всего к изучению социальных сетей, ставит новые задачи в изучении метафор. Метафоры в этом случае должны рассматриваться прежде всего как основа для изучения социальной онтологии. Метафора является основным средством, конституирующим социальную онтологию, а социальная онтология сама по себе – это тот фрагмент “молчаливого знания”, который является основой для сетевого взаимодействия. Оказываясь внутри социальной сети, субъекты должны в первую очередь согласовывать свои способы понимания реальности. Отсутствие такого согласования может быстро привести к возникновению конфликтов, разрушающих сетевые структуры. Подчеркнём ещё раз, что совпадение способов интерпретаций реальности должно иметь место на глубинном уровне, поверхностные структуры знания имеют гораздо меньшее значение для взаимодействия в социальной сети. Подтверждения этих соображений без труда можно найти, например, в литературе по исследованию дипломатических переговоров, которые организованы и функционируют обычно на основе скорей сетевых, чем институциональных принципов. Таким образом анализ глубинных структур когнитивных моделей может пролить свет на те аспекты социального взаимодействия, которые ускользают от большинства других методов социального анализа.

Вернёмся теперь ещё раз к вопросу о социальной сложности. Социальные сети образуют сложную периферию формальных социальных институтов. Изучение сетевых взаимодействий составляет весьма существенную часть теории “социального капитала”, при этом одним из главных недостатков данной теории в её современном виде является, на наш взгляд, пренебрежение анализом когнитивных моделей, функционирующих в рамках анализируемых сообществ.

Мы видим, таким образом, что перед исследователями когнитивных моделей и взаимодействия этих моделей с социальными структурами стоят достаточно нетривиальные задачи. Когнитивные исследования, первоначально возникшие в рамках попыток компьютерного моделирования человеческого разума, приобрели иное, не менее важное значение, а именно – построение и анализ когнитивных моделей позволяет подойти к изучению таких проблем социальных наук, которые раньше оставались вне горизонта возможностей социальных исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ясперс К. 1991. Смысл и назначение истории. Москва
2. Eisenstadt S.N. 2000. Multiple modernities. In Daedalus. Winter 2000. pp. 1-30
3. Eisenstadt S.N. (ed). 1986. The Origins and Diversity of Axial -Age Civilizations. Albany
4. Giddens A. 1991. modernity and Self-Identity. Oxford
5. March J.G., Olsen J.G. 1989. Rediscovering Institutions. New York
6. North D. 1991. Institutions, Institutional Changes and Economic Performance. Cambridge
7. Rengger N.G. 1995. Political Theory, Modernity and Postmodernity Oxford
8. Simon H. 1947. Administrative Behavior. New York
9. Wendt A. 1999. Social Theory of International Relations. Cambridge.
10. Wagner P. 2001. Theorizing Modernity. London
11. Wittrock B. 2000. Modernity: One, None or Many? European Origins and Modernity as a Global Condition. Daedalus Winter 2000. pp 31-60